

Петр Андреевич Кикин (1775–1834) Герой своего времени

Г. А. Миролюбова

Имя Петра Андреевича Кикина, чей портрет украшает Военную галерею Зимнего дворца (ил. 1), хорошо известно в отечественной историографии. Однако, освещая выдающиеся заслуги героя Отечественной войны 1812–1814 годов, исследователи лишь фрагментарно касаются других сторон его деятельности, относящейся к эпохе после наполеоновских войн. Более пристальное внимание к всегда активным и разнообразным его стремлениям «на благо отечества» дает нам повод еще раз вспомнить человека, без сомнения являющего собой яркий пример выдающегося представителя русской художественной культуры XIX столетия.

От рождения Петр Андреевич был причислен к русской воинской элите. Фамилия его семьи относится к старому дворянскому роду, известному своими заслугами в отечественной истории. Родной его прадед был братом А. В. Кикина, который, начав свою службу царским денщиком Петра I, вскоре вошел в число его приближенных. Обученный в Голландии корабельному делу, он возглавил в Петербурге работу Адмиралтейств-коллегии, однако карьера неожиданно оборвалась из-за причастности его к следственному делу царевича Алексея. В доме казненного, стоявшем напротив Адмиралтейства, была открыта Морская академия, а при Елизавете Петровне кикинский дом вошел в перестраиваемый В. В. Растрелли Зимний дворец. Прадед Петра Андреевича, И. В. Кикин, также близкий к Петру I, в 1718 году вынужден был покинуть Петербург и отбыть подальше от столицы. Дед был воеводою в Астрахани, а отец в чине секунд-майора служил в городе Алатырь Симбирской губернии. Здесь 27 декабря 1775 года и появился на свет будущий герой Отечественной войны 1812 года. Семья в связи с рождением ре-

бенка переехала в Москву и расположилась в собственном доме на Арбате. При крещении мальчик получил имя Варфоломея и в двухлетнем возрасте, по дворянскому обычаю XVIII столетия, при поддержке графа И. Г. Орлова, друга родителя, был записан с измененным именем Петр в лейб-гвардии Семеновский полк. С годами, параллельно с заочным прохождением службы и получением полагающихся чинов, Петр Андреевич обучался в Благородном пансионе при Московском университете, а затем окончил полный университетский курс¹.

Люди, знавшие П. А. Кикина в молодые годы, единодушно отмечали отличающую его образованность, широту знаний и интересов, хотя сам он признавал свое обучение бессистемным и, стремясь исправить этот недостаток, всю жизнь был занят углублением и расширением познаний в разных областях науки. Посещал курсы лекций по физике, химии, ботанике и сельскому хозяйству. Особая любовь с молодых лет у него проявилась к литературе. Постоянное чтение произведений преимущественно отечественных писателей привело его в известный в Петербурге с 1780-х годов литературный салон Г. Р. Державина, объединявший представителей классического направления русской литературы. Среди них были и друзья Кикина: И. И. Дмитриев, В. А. Озеров, С. Н. Мордвинов, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, А. Н. Оленин. Участники собраний наряду с чтением своих произведений много внимания уделяли спорам о путях развития русского языка. Это была одна из самых острых полемических проблем в общественном движении России начала XIX столетия, когда конституционные стремления первых лет правления Александра I вызвали бурное развитие передовой общественно-политической мысли.

Ил. 1. Дж. Доу. Портрет П. А. Кикина. 1822–1823. Холст; масло. Инв. № ГЭ-7996. Государственный Эрмитаж

Энергией гражданского служения были воодушевлены лучшие представители русской интеллигенции. В заседаниях литературных кружков, на встречах в книжных лавках и в частных салонах обсуждались также проблемы назначения всей художественной культуры. В возникшем в 1801 году «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств» наряду с писателями состояли художники А. Иванов, А. Зауервейд, скульпторы И. Мартос, И. Терещенев, С. Гальберг. Развитие активной общественной деятельности породило увлечение просвещением и благотворительностью². Родственник П. А. Кикина Д. Н. Свербеев, вспоминая о его частых посещениях литературных салонов, писал, что в молодости он считался остряком и язык его называли бритвой. Кикин сам

не был литератором, но превосходно знал русскую и французскую литературу и нередко удивлял своих друзей глубокими и верными замечаниями по поводу поэтических и прозаических произведений.

Однако литература не стала основным занятием Петра Андреевича, он был предназначен к военной службе, где ему суждено было прославиться боевыми и организаторскими заслугами. По окончании университета в 1796 году Кикин вступил в действительную службу с чином прапорщика Лейб-Гвардии Семеновского полка. Уже тогда полковое начальство отмечало усердное отношение к службе и точное выполнение обязанностей молодого офицера. В 1802 году именно за эти качества он был пожалован во флигель-

адъютанты императора Александра I и с тех пор удостоивался важными поручениями по обучению войск «новым эволюциям» и привлекался к работе по формированию армейских частей. За участие в сражениях русско-турецкой войны 1806–1812 годов получил орден Св. Анны 2-й степени и золотую шпагу с надписью «за храбрость». В 1811 году Александр I откомандировал Кикина в Вильно для введения в расквартированных там войсках нового порядка. С марта 1812 года в чине полковника исполнял должность дежурного генерала Главного штаба (ил. 2), затем указом М. И. Кутузова находился на той же должности при соединении 1-й и 2-й армий, названных Западной³. Назначение это он получил по инициативе своего родственника и близкого друга А. П. Ермолова, ценившего его как человека «полезных способностей, деятельности неутомимой, строгих правил чести»⁴.

Во время службы на Кавказе с 1817 года Алексей Петрович вел постоянную переписку с Кикиным, неизменно обращаясь к нему: «Любезнейший брат и благороднейшее существо!» и искренне признаваясь: «Кикина я любил как брата, которого почитал за честность правил и прекрасные свойства души... Особенная сродная ему склонность к порядку, необыкновенная деятельность, знание нового порядка дел, при введении коего в армии он находился... заставляли меня искать сближения с ним»⁵.

В августе 1812 года в бою под Смоленском при Валутиной горе (у деревни Лубино), препятствуя попыткам французской армии прорваться на Московскую дорогу, Кикин был ранен в глаз. Во время Бородинского боя, отбивая на штыках главную батарею Н. Н. Раевского, получил ранение в ногу. В феврале 1813 года «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражениях против французских войск в течение нынешней кампании» Петр Андреевич был произведен в генерал-майоры, награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и двумя серебряными шпагами. Уже в период отступления французской армии под Красным был пожалован орденом Св. Анны 1-й степени и за отличие при Люцене прусским орденом Красного Орла 2-й степени⁶. Во время кампании 1813–1814 годов его причислили к ведомству «развозных гошпиталей», обязанностью которых был сбор раненых на полях сражений и, после оказания первоначальной помощи, эвакуация их в тыл на лечение. Летом 1813 года, пробыв некоторое время в Праге, он организовал лазарет, в котором собрал около 30 000 нуждающихся

Ил. 2. В. И. Погонкин с рисунка Ф. Лютендорфа. Портрет П. А. Кикина. Ок. 1812. Литография. Инв. № ЭРГ-18336. Государственный Эрмитаж

в помощи раненых, за что был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени. Будучи участником проходивших здесь кровопролитных боев, Кикин стал автором идеи сооружения памятника «не малого числа погибших Российских офицеров и солдат, из которых многие при одной, а иные и при двух ранах не хотели оставить поля сражения». На собранные деньги памятник был сооружен на военном кладбище на пражской окраине. За участие затем во взятии Парижа и командование пехотной бригадой он получил алмазные знаки ордена Св. Анны 1-й степени и орден Св. Владимира 2-й степени⁷.

По заключении мира с Францией Петр Андреевич взял отпуск и прибыл в 1814 году в Петербург. На исполненном вскоре после возвращения портрете работы В. Л. Боровиковского (ил. 3) боевой генерал запечатлен в репрезентативном виде. Поясное изображение с легким поворотом фигуры вправо представляет недавнего героя со всеми знаками отличия: в общегенеральском мундире образца 1808 года с золотым шитьем по вороту, с золотыми аксельбантами. На правой стороне груди – орден Св. Анны 1-й степени, на левом

Ил. 3. В. Л. Боровиковский. Портрет П. А. Кикина. 1814–1815. Холст; масло. Инв. № ОФ 2532. Новочеркасский музей истории донского казачества

плече анненская лента и под ней звезда ордена Св. Владимира 2-й степени, на шейной ленте – орден Св. Георгия 3-й степени, рядом серебряная медаль за Отечественную войну 1812 года на андреевской ленте и бронзовая дворянская медаль за взятие Парижа. Ниже крест Красного Орла. В лице с четко прописанными чертами и с выражением сдержанного достоинства подчеркнут характерный для представителей высшего света начала XIX столетия изысканный аристократизм еще молодого человека. Близкий Кикину этих лет М. Д. Бутурлин отзывался о нем: «Петр Андреевич был человек под грубыми и непривлекательными формами весьма добрый, во всем готов был быть полезным, ни в чем не честолюбивый, он сам всегда чем-либо увлекавшийся»⁸.

В 1815 году, выйдя в отставку в чине генерал-майора с правом ношения мундира, Кикин женился на Марии Ардалионовне Торсуковой, внучатой племяннице камер-юнгферы Екатерины II М. С. Перекусихиной. Мария Ардалионовна детство провела в стенах Зимнего дворца и получила блестящее воспитание и образование. По воспоминаниям современников она «была очень умна, мила, образована, чрезвычайно оригинальна,

ничем не походила на всех московских и даже петербургских барынь»⁹. Отмечали также «независимый образ мыслей, который сказывался не только в ее умных, образованных, без тени жеманства речах, но и в туалете, который отличался каким-то изящным удобством и практичностью». Такой предстает супруга Кикина на литографии В. И. Погонкина с акварели П. Ф. Соколова 1817 года (ил. 4). Это один из самых обаятельных интимных женских образов в русском изобразительном искусстве. Однако Петру Андреевичу недолго пришлось быть занятым частной жизнью. В 1816 году Александр I выразил желание пригласить его, как человека деятельного, высокой честности и прямоты характера, на пост статс-секретаря Комиссии для приема и рассмотрения прошений, на Высочайшее имя приносимых. Комиссия была учреждена в 1810 году в соответствии с составленным М. М. Сперанским «Планом Государственного образования» и вошла в состав Государственного Совета. В обязанности статс-секретаря входило распределение прошений между членами Комиссии, составление заключений о назначении «от Монарших щедрот» денежной помощи, пожалование наград и рассмотрение других дел, требующих правительственной поддержки¹⁰. Кикин не сразу согласился на этот почетный и ответственный пост. Личное участие в решении вопроса принял сам А. А. Аракчеев, взяв на себя роль посредника. Вероятно, он имел в виду не только приблизить к себе человека, становившегося близким к персоне императора, но и питал надежду влияния на него. Расчеты эти, однако, оказались напрасными. Кикин принял приглашение и получил право сам раз в неделю входить к императору с докладом о делах особой важности в пакетах с надписью «в собственные Его Императорского Величества руки». Комиссия стала принимать ходатайства о пенсиях, просьбы о пожаловании титулов, рассматривала жалобы на Общее собрание Сената и даже на Государственный Совет. Статс-секретарь часто брал на себя роль просителя, позволяя себе обращаться со вторичным докладом, когда первое решение ему казалось неправильным. А. П. Ермолов по поводу назначения родственника и боевого друга, с которым рядом сражался на Бородинском поле, на высокий государственный пост писал ему: «Не твоего характера люди могут страшиться сильных. Положи честь твою и правила твердые в покровительстве угнетаемого оплотом... Ты не оставишь без внимания просящего, истина дает силу словам»¹¹. В. И. Григорович, давно зная Петра

Ил. 4. В. И. Погонкин. Портрет М. А. Кикиной. 1820-е. Литография с оригинала П. Ф. Соколова. Инв. № ЭРГ-18335. Государственный Эрмитаж

Андреевича по участию в литературных салонах, отзывался о нем: «Надобно было видеть сияние радости на лице этого редкого человека, когда он возвращался с подписанными указами милостей Царских»¹². За деятельность в Комиссии по принятию прошений он был награжден чином тайного советника в 1821 году, а в 1824 стал сенатором.

Свойственное Кикину чувство справедливости проявлялось во всей его деятельности на посту статс-секретаря. Современники отмечали его особое внимание к делам, касающимся отечественного искусства и его представителей во всех областях. Так, в 1817 году по его докладу была выдана денежная помощь «первому русскому актеру» И. А. Дмитревскому – 6000 рублей. После смерти пейзажиста Я. Ф. Алексеева он выхлопотал постоянный пенсион жене художника, «оказавшейся в бедственном и отягощенном положении». В 1822 году на суммы, испрошенные у императора, отправились в заграничное пенсионерство выпускники Императорской Академии художеств братья Брюлловы. В том же году Ф. П. Толстой получил пенсион в 3000 ассигнаций и с благодарностью впоследствии вспоминал Ки-

кина как «чрезвычайно доброго, прекрасного человека и большого любителя искусств»¹³. С его помощью А. Г. Венецианов добивался приобретения Императорским Эрмитажем картин своих и учеников созданной им школы. Во второй половине 1820-х годов Кикин помог Ф. А. Бруни и А. А. Иванову получать ежегодный пенсион по 5000 рублей на все время пребывания их в Италии¹⁴. По протекции статс-секретаря был отправлен во Францию и Италию на обучение также архитектор Александр Тон. Его брат Константин был обязан Кикину основным делом своей жизни, прославившим его как выдающегося архитектора. Еще в декабре 1812 года вскоре после изгнания французов из России П. А. Кикин в одном из писем А. С. Шишкову изложил свою мысль соорудить в Москве Храм в честь спасения Отечества. В частном письме, написанном 17 декабря 1812 года, участник недавней победы при Бородине делился своими мыслями с другом: «Кто из нас не воссылает теплых молитв ко Всевышнему? Чье сердце не преисполнено благодарностию к Богу, единственному Спасителю нашему? Кто не чувствует сердечно необходимостей ознаменовать признательность свою к милосердию его, явно покровительствующего нам? <...> Все конечно кричат – должно соорудить Монумент... Но вот беда, чтоб согласиться какой? Иной говорит Обелиск, Пирамиду другой, а Колонну третий... Сердце мое и ум согласно требуют воздвигнуть Храм Спасителя в Москве под именем Спасского собора, который один может удовлетворить во всем отношении ожиданию каждого. В Москве, в сердце России, воздав Богу Божие, на фронтоне поместить: „Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему“. Предлагал также Петр Андреевич соорудить ограду из трофейных пушек, а на четырех сторонах Храма поставить обелиски: «один императору, другой главнокомандующему, третий войску, а четвертый народу»¹⁵. Мысль эту он настойчиво проводил в действие во время своего статс-секретарства. К строительству храма приступили только в 1839 году, однако поручено это было К. А. Тону, которого изначально рекомендовал Кикин.

Он же был самым непосредственным образом причастен к делу английского художника Дж. Доу, приглашенному Александром I в 1819 году в Петербург для исполнения портретов Военной галереи. На заседании Комитета Общества поощрения художников 3 февраля 1828 года обсуждались «предосудительные» поступки Дж. Доу, присваивавшего себе работы помощников, свидетельствующих,

что он «лишь в незначительной степени» завершал их своей кистью. Именно к Петру Андреевичу с жалобой на притеснения и безудержную страсть к наживе обратился крепостной А. В. Поляков. Жалоба была доведена до вступившего на русский престол Николая I, в результате чего Доу был освобожден от работ в России, а Общество поощрения, предоставив свое покровительство Полякову, добились для него звания свободного художника¹⁶.

П. А. Кикин действительно горячо отстаивал все, что он считал полезным. Однако не все могли ценить это по достоинству. Положение статс-секретаря и самой Комиссии по принятию прошений изменились. Влиятельная партия, в которую входили А. А. Аракчеев, И. И. Дибич, К. В. Нессельроде, А. Ф. Бенкендорф, постаралась отделаться от независимого и авторитетного сенатора, воспользовавшись мелким поводом – слабым надзором над поведением подчиненных. Чувствуя направление против себя придворной интриги, Кикин вскоре после коронации Николая I решил уйти в отставку. П. Г. Дивов, автор обстоятельных мемуаров, освящающих многие события первой трети XIX века, сообщал, что в день тезоименитства императора 6 декабря 1826 года многие «ожидали разных милостей, но случилось то, чего никто не ожидал. Только статс-секретарь Кикин, уволенный 26 ноября в отставку, получил Александра Невского. Так как его ненавидит вся партия, власть имеющая, то все были удивлены этой наградой»¹⁷. Расставаясь с человеком, «который поседел в трудах и правилах чести»¹⁸, государь издал в канун Нового года Высочайший рескрипт с объявлением этой награды: «Петр Андреевич Кикин! Удовлетворяя желанию вашему в 26 день минувшего ноября месяца, уволил Я вас от службы по уважению расстроенного вашего здоровья. Ныне во внимание к отличному служению вашему, долговременными и полезными трудами сопровождавшемуся, в знак особенного Моего к вам благоговения Жалую Я вас Кавалером Ордена святого Великого Князя Александра Невского, знаки коего при сем препровождаю, пребываю к вам благосклонным Николаем»¹⁹.

26 декабря 1826 года Петр Андреевич присутствовал на парадном освящении в Зимнем дворце Военной галереи, устроенной по проекту К. И. Росси в центре парадных зал между Белым (Гербовым) и Большим Тронным (Георгиевским). Стены Галереи были украшены 237 портретами боевых генералов, участвовавших в сражениях 1812–1814 годов. В соответствии с планом Генерального

штаба размещения портретов два нижних ряда галереи заняты изображениями генерал-лейтенантов, над ними в три ряда представлены портреты генерал-майоров. Все одного размера, в среднем 70 на 60 см, поясные в рамках из золоченой бронзы с обозначением имени и чина. Портреты выполнялись с весны 1819 года приглашенным самим Александром I для этой работы английским художником Дж. Доу, с помощью двух помощников. Портреты делались с натуры в живописной мастерской Доу, расположенной поблизости от галереи, либо с портретов, имеющихся в семьях портретируемых. Из числа представленных к первому открытию галереи 74 портрета имеют подпись знаменитого европейского художника, относительно остальных нет точного определения их авторства. Исследователи, как правило, отмечают неравнозначность художественных достоинств ценных иконографических памятников. Уже современники обратили внимание на нетвердую композиционную прописанность многих изображений, эскизную торопливость и несложную декорационную красочную проработку, оставляющие впечатление незаконченности произведений, а главное, на нераскрытую в них выразительность изображенных лиц²⁰.

Портрет П. А. Кикина, внесенный Главным штабом в список «генералов, заслуживающих быть написанными в галерею», исполнялся одновременно с другими в период с февраля 1822 по июль 1823 года и помещен в третьем ряду справа от парадного во весь рост портрета М. Б. Баркляя де Толли. В портрете, исполненном по общей «галерейной схеме», представляются обращающие на себя внимание замечательные личные качества изображенного: спокойный поворот корпуса и головы, сдержанная энергия и благородный характер, за внешними чертами которого представляется незаурядная личность, «единственное желание которого было, по признанию современников, приносить себя, свои знания, свой опыт, свое положение тем и тому, кто нуждались в поддержке»²¹. Накинутая на плечи генеральская шинель с приподнятым воротником, приглушенный красный тон виц-мундира, статусный набор боевых наград на фоне слегка романтизированно окрашенного образ участника недавнего героического прошлого. Обращающие на себя внимание живописные достоинства портрета Кикина, а главное, присутствующая на обороте холста, как считают исследователи творчества Дж. Доу, его собственноручная

подпись: Kikin Geo Dawe RA pinx, свидетельствуют об авторстве этого художника²². Портретную точность работы Доу подтвердил в январском письме 1825 года А. П. Ермолов, получивший гравюру Т. Райта с живописного оригинала и отозвавшийся своему другу: «Искусный художник, набросив на тебя лет 10 молодости, умел скрыть морщины, которые, конечно, не умножают твоих прелестей, но в то же время дал совершенное лицу выражение, и я, если не пленяюсь красотой, люблю видеть спокойствие души, прекраснейшей. Тебе льстить не стану, существо чудесное!»²³.

Уйдя в отставку, Петр Андреевич Кикин полностью переключился на дело, которому служил уже давно и благодаря которому имя его прочно вошло в историю русского искусства. Он с молодых лет принадлежал к той части русского общества, которая была воодушевлена стремлением гражданского служения Отечеству. Искреннее желание содействовать общественному и культурному прогрессу России инициировало деятельность представителей различных социальных слоев и их особый интерес к искусству. «Подыскание занятий людям, имеющим дарование» предусматривалось уставом преддекабристского «Союза Благоденствия»²⁴. Возникновение первых провинциальных художественных школ, открытых А. В. Ступиным и А. Г. Венециановым, было продиктовано теми же причинами.

Особую форму деятельности представило Общество поощрения художников, 30 ноября 1820 года принявшее в лице первых его энтузиастов, П. А. Кикина, князя А. И. Гагарина и полковника в отставке А. И. Дмитриева-Мамонова, решение путем частного меценатства и благотворительности содействовать многостороннему развитию художественных возможностей России. Этого желали и присоединявшиеся постепенно к ним важные и знаменитые особы: Ф. Ф. Шуберт, Ф. И. Лабенский, графиня С. В. Строганова, К. А. Нарышкин, В. П. Кочубей и многие другие серьезные знатоки и любители искусства, стремившиеся «употребить собственные способы свои для улучшения наших художников доставлением им приличных трудов». Сформулированные ими «Основные правила для руководства деятельности Общества поощрения художников» провозглашали: «Всеми возможными средствами помогать художникам и способствовать к распространению изящных художеств». Понимая, что Императорская Академия художеств, как высшее художественное заведение, не может заботиться о судьбе

своих воспитанников после их выпуска, Общество поощрения старалось «доставлять молодым художникам занятия по их способностям, чтобы они становились для них самих средством к оказанию дальнейших успехов и вместе с тем были бы для публики приятны и полезны»²⁵. Руководствуясь этим положением, Общество приняло на себя заботу по обеспечению художников заказами, выплатой неимущим денежных пособий, привлекало известных мастеров к обучению молодых людей, «оказывающих дарования», оплачивало их занятия в классах Академии художеств, выдачей раз в три года золотых медалей добивалось наиболее талантливым пенсионерских поездок за границу. Возникшее по частной инициативе, оно сразу же стало не просто благотворительным, но и образовательным центром, способствовавшим делу художественного развития страны. Этими принципами Общество поощрения руководствовалось в течение всей своей деятельности. С самого начала его практическая целенаправленность оказалась весьма значительной. Задачи широкой пропаганды отечественного искусства решались устройством Галереи русской школы, регулярных Публичных выставок русских художественных произведений и их лотерей. Для упрочения деятельности Общества поощрения и привлечения к нему как можно более широкого внимания в 1823–1825 годах в издаваемом одним из самых активных его членов, В. И. Григоровичем, «Журнале изящных искусств» помещались отчеты о деятельности Общества, сообщались теоретические и практические сведения по части изящных художеств, публиковались биографии знаменитых соотечественников. Кикин пытался также реализовать намерение 1817 года П. П. Свинына учредить в Петербурге национальный музей, в котором представлялись бы доступному обозрению произведения русских художников. Проведя через решение Комитета мысль о его создании, он подал в 1824 году Александру I проект его организации: «Слава России требует учреждения Русского музея или галереи русской школы художеств. Для составления музея надо: собрать все русские картины и статуи в Эрмитаже, во дворцах, купить у частных лиц, делать заказы художникам от Общества поощрения... если бы собранные произведения и не были бы превосходны, то они должны не менее того поступать в галерею, как драгоценные вещи для истории искусств в России». Кончался проект комплиментарным заключением: «Русский музей был бы достойным памятником Александрова

века, усилил бы в публике любовь к искусствам и возродил бы в ней уважение к талантам отечественным»²⁶. Однако проект не был поддержан, и к его осуществлению вернулись только в 1880-х годах. В 1825 году Обществу поощрения удалось исправить неудачу с организацией музея открытием постоянно действующей выставки-продажи, которая «доставляла возможность художникам знакомить публику со своими произведениями», а публике – «удобства видеть и приобретать художественные произведения». На выставку принимались только произведения русских мастеров, строгий отбор их осуществлял сам П. А. Кикин. Устраивая беспроигрышные лотереи, он также заботился о возможностях сбыта, стремясь «разными полезными изданиями способствовать распространению всех изящных искусств, доступных всем состояниям»²⁷.

В осуществлении столь многогранной программы П. А. Кикин принимал самое непосредственное участие. Все это время он входил в состав Комитета, попеременно исполняя должность его председателя или члена-казначей. Используя свой опыт статс-секретарства и пользуясь особой монаршей доверенностью, он умело обращал внимание на деятельность руководимого им Общества и добивался ему материальной поддержки. Так, в одном из правительственных указов от 9 апреля 1822 года сообщалось: «Рассмотрев представленные мне произведения Общества поощрения художников и находя цель оного похвальною и общепользую, повелеваю отпускать в пользу сего Общества по 5000 рублей ассигнациями в год. Александр». 31 января 1826 года появился указ от имени нового императора: «В ознаменование Всемилостивейшего внимания Моего к полезной цели Общества поощрения художников в России повелеваю сверх пяти тысяч рублей, которое по указу 9 апреля 1822 года Обществом получают, отпускать в распоряжение оного еще по пяти тысяч рублей. Николай»²⁸.

П. А. Кикин внимательно следил за всеми делами Общества поощрения, был инициатором многих его начинаний. Так, именно благодаря ему преимущественное развитие получила недавно появившаяся в России художественная литография. Сравнительная несложность ее техники обеспечивала работой нуждающихся художников. Понимая достоинства нового вида графики, Кикин одним из первых сумел оценить ее практические возможности. В литографии, искусстве многотиражном и потому доступном широкому

покупателю, Общество поощрения увидело возможность быстрой оборачиваемости капитала. Для него, существующего на частные взносы, сводившиеся либо к ежегодной членской сумме в 200, либо к единовременному взносу в 2000 рублей, оборачиваемость финансовых средств была важным условием реализации программы. С помощью литографии предполагалось репродуцирование известных живописных произведений, в 1822 году приступили к изданию серии с изображениями «знаменитых россиян», в которую вошли портреты Г. Р. Державина, П. И. Меллер-Закомельского, И. И. Дмитриева, А. П. Ермолова, В. Г. Мадатова, А. С. Шишкова. К этой работе были привлечены молодые художники А. Васильевский, А. Рыбин, В. Погонкин и К. Брюллов. Намеревалось Общество наладить и выпуск «весьма важного по предмету своему издания знаменитых происшествий и деяний из Отечественной истории, коего цель есть желание представить соотечественникам ряд картин, изображающих события, упрочившие гражданскую и военную славу России». На подготовку этого издания Кикин пригласил Н. А. Бестужева и возложил на него заведывание той частью работы, «которая состоять должна из морских сражений». Однако выполнить художник ничего не успел, так как поручено ему было задание 25 ноября 1825 года, а 14 декабря он был на Сенатской площади и в числе многих восставших попал под правительственное следствие и на каторгу в Сибирь²⁹.

Кикин умело использовал свои влиятельные связи на пользу Общества поощрения. Так, через своего родственника, министра народного просвещения А. Н. Голицына он добился разрешения распространять по столичным и губернским народным училищам выходившие гравированные и литографированные издания. Это начинание сразу же вызвало интерес, а его инициатор заслужил благодарное признание, выраженное в письме одного из его корреспондентов: «Вашему превосходительству много обязаны будут любители отечественных художеств за положение первой ступени к возвышению и одобрению талантов и к открытиям русским, что во многом не они, а иностранцы должны нам завидовать»³⁰.

Многогранность тематики, рассчитанной на массового зрителя, обеспечивала работой нуждающихся художников, расширяла возможности их творчества. В числе его воспитанников и тех, кто пользовался его покровительством, оказался широкий круг русских художников первой половины

Ил. 5. Г. Г. Чернецов. Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6-го октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге. 1831–1837. Холст; масло. Инв. № Ж-6350. Фрагмент. Государственный Русский музей

XIX столетия. Внимательно следя за питомцами Общества поощрения, Петр Андреевич заботился об их занятиях и умел радоваться достигаемым успехам. Своего давнишнего друга и посланника в Италии Г. И. Гагарина он не раз просил о поддержке стажировавшихся там пенсионеров Общества. Особую заботу он проявлял о братьях Брюлловых, на содержание которых в Риме ежегодно вносил сверх обязательной членской платы еще 300 рублей. В 1822 году при отправке за границу Комитет Общества поощрения снабдил первых своих пенсионеров рекомендациями осмотра европейских городских и музейных наиболее выдающихся памятников, которые им должны были служить образцами в занятиях. Во все время пенсионерства братья присылали письма Петру Андреевичу, сообщая о своих успехах. В семье наследников П. А. Кикина долгое время хранилась его переписка с этими художниками, особо считавшимися с мнением председателя Общества

Ил. 6. Г. Г. Чернецов. Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском... Фрагмент: П. А. Кикин с дамой в группе писателей. Государственный Русский музей

Ил. 7. Портрет П. А. Кикина. Литограф А. А. Васильевский. С оригинала К. П. Брюллова 1820-х гг. 1834. Китайская бумага; литография. Инв. № ЭРГ-18329. Государственный Эрмитаж

поощрения и благодарными за внимание к их работам. В ответе на первое отчетное письмо путешественников, содержащее критический взгляд на увиденное по пути в Рим, Кикин с упреком замечал им: «Надежность на себя во всякие лета, не токмо в ваши, всегда гибельна для людей всякого состояния, художникам же беспрестанно служила препоною к достижению цели их. Вы готовитесь еще начинать учение, а на научение, известно, что целой жизни нашей недостаточно, то не следует ли не опровергаемая аксиома, что недоверчивость себе есть первое основание человека, желающего идти с пользою». В 1824 году, когда Александр Брюллов, как сообщал он сам в письмах из Италии, увлекся карандашными и акварельными портретами, Кикин, восхищаясь ими, все же признавался: «Боюсь, крайне боюсь, чтоб Александр не сделался рисовальщиком, а не архитектором». И немного позднее советовал ему же: «Пройди нужные курсы зодчества в обширном смысле его. Не довольствуйся соблазном одного рисунка, научись математическому исполнению положительных законов пространства»³¹.

В 1826 году присланную Карлом Брюлловым в Петербург в качестве отчета о своих занятиях картину «Итальянское утро» он посоветовал Ни-

колаю I приобрести в Императорский Эрмитаж и заказать к ней парную «Полдень»³².

Когда в 1833 году до Петербурга дошли восторженные отзывы о картине того же художника «Последний день Помпеи», Кикин обратился к итальянскому историку искусства Висконти с просьбой собрать все, что появляется о ней в итальянской печати, и переслать в Общество поощрения художников. Переведенные на русский язык В. П. Лангером отзывы были изданы в первом номере журнала А. Ф. Смирдина «Библиотека для чтения»³³.

Хорошо разбиравшийся в вопросах изобразительного искусства, Петр Андреевич, как человек влиятельный в правительственных кругах, оставался центральной фигурой в Обществе поощрения художников, деятельность которого всегда протекала под его непосредственным влиянием и руководством. Все отчеты Комитета составлялись им и подносились императору. Обращая внимание на успехи Общества и его питомцев, постоянно занятый делами Общества поощрения, Кикин всегда пользовался уважением и признательностью в художественных кругах. И не случайно на монументальном полотне Григория Чернецова «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6-го октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге» (1832–1837) он оказался изображенным на первом плане картины (ил. 5, 6) вблизи А. С. Пушкина В. А. Жуковского, И. А. Крылова и Д. В. Давыдова.

Умер Петр Андреевич Кикин неожиданно, в мае 1834 года, по-прежнему находясь на посту председателя Общества поощрения художников, успев добиться официального утверждения новой редакции его Устава. Утрата пламенного ценителя искусства и авторитетного общественного и государственного деятеля была невосполнимой³⁴. Санкт-Петербургские ведомости, первыми откликаясь на кончину статс-секретаря Его Императорского Величества, тайного советника и кавалера высших российских орденов, писали: «Пламенная любовь ко всему полезному, ознаменованная 30-летней верною службою его Престолу и Отечеству, и постоянное его участие во всем до блага общественного касающемся содействуют памяти о нем незабвенною для всех, кому только памятны высокие порывы его благородной души»³⁵. В знак признательности исключительных заслуг Кикина Общество поощрения дало задание художнику А. А. Васильевскому налитографировать его портрет (ил. 7) с одного из самых

Ил. 8. С. И. Гальберг. Портрет П. А. Кикина. 1835. Бронза. Инв. № 20898. Государственная Третьяковская галерея

ранних живописных оригиналов К. Брюллова, исполненного им в 1821–1822 годах незадолго до отправки в Европу. Неслучайно для посмертного издания изображения Петра Андреевича Общество избрало полотно живописца, являвшего собою яркий пример того живого участия, которое постоянно проявлял к судьбе русских талантов этот удивительно деятельный человек, воспитанный культурно-просветительской средой первой трети XIX столетия. Одновременно заказан был скульптору С. Гальбергу бронзовый бюст³⁶ (ил. 8). Исполненное в 1835 году по типу классической гермы строго фронтальное изображение, срезанное по плечам, с тщательной моделировкой головы и лица, постоянно украшало залы собраний членов Общества поощрения до момента его роспуска в 1917 году. Неосуществленным осталось намерение издать также подробную биографию П. А. Кикина. Частично она была опубликована В. И. Григоровичем в 1847 году³⁷. Приветствуя ее появление, издатель-редактор еженедельника «Иллюстрация» Н. В. Кукольник с особым энтузиазмом подчеркнул: «Память людей, подобных

Петру Андреевичу Кикину, не должна забываться благодарным потомством. Величество истории заключается в божественном праве судить и казнить деяния, человечество унижающие, но еще более в обязанности воздавать добродетели и заслуге достойную похвалу»³⁸. Этому наставлению следовали сменявшиеся на посту председателя Общества поощрения художников: Ф. И. Лабенский, В. И. Григорович, В. В. Мусин-Пушкин-Брюс, П. И. Кутайсов. В 1843 году во главе Общества поощрения встал герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский, а в 1852 году эта должность перешла к его супруге великой княгине Марии Николаевне. Приобретя с руководством августейших особ вполне официальный характер, Общество постепенно стало менять и направление своей первоначальной деятельности. В связи с развивающейся капитализацией страны на первый план вышла промышленность и возникла объективная потребность в художественном оформлении многих видов производств. Все чаще художники стали привлекаться к новым задачам прикладного искусства. В 1881 году Общество поощрения было взято под покровительство Александром III и императрицей Марией Федоровной и изменило свое название на Императорское Общество поощрения художеств. Его заседания регулярно проходили в доме 38 на Большой Морской улице в парадном зале, неизменно украшенном бюстом основателя Общества поощрения художников Петра Андреевича Кикина³⁹.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IX (Т. 17–18). М., 1963. С. 131, 171, 174 и др.; Изоркин А. В. Истинный сын России: биографические очерки. Чебоксары, 1994. Вып. 2. С. 6–10.

² Аронсон М., Рейснер Р. Литературные кружки и салоны. Л., 1929; Базанов В. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.

³ Военная галерея 1812 года / под ред. Великого князя Николая Михайловича. СПб., 1912; Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. 3-е изд. Л., 1988. С. 117–120; Словарь русских генералов боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Сборник. Т. 7. М., 1996. С. 421–422; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 340.

⁴ Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 161.

⁵ Там же.

- ⁶ Словарь русских генералов... С. 421–422.
- ⁷ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. Берлин, 1870. С. 222–239. Автор приносит глубокую благодарность В. М. Файбисовичу за определение и уточнение орденовских наград на портрете П. А. Кикина работы В. Л. Боровиковского.
- ⁸ Записки графа М. Д. Бутурлина. Т. 2. М., 2006. С. 53.
- ⁹ *Свербеев Д. Н.* Мои записки (1799–1826). Т. 1. М., 1899. С. 191, 192.
- ¹⁰ *Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на высочайшее имя. 1810–1910 гг. Исторический очерк. СПб., 1909. Статс-секретарь – высокая государственная должность, приравняемая к министерскому рангу, имевшая непосредственное подчинение императору (*Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. Л., 1991. С. 79, 80).
- ¹¹ *Ермолов А. П.* Кавказские письма. 1816–1860. СПб., 2014. С. 286.
- ¹² *Григорович В. И.* Петр Андреевич Кикин // Иллюстрация. Еженедельное издание всего полезного и изящного. Т. 4. № 11. С. 163.
- ¹³ Записки графа Федора Петровича Толстого. М., 2001. С. 146–147.
- ¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 44; *Савинов А. Н.* Алексей Гаврилович Венецианов. Жизнь и творчество. 1780–1847. М., 1955.
- ¹⁵ ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 14.
- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–4.
- ¹⁷ Петербург в 1825–1826 годах // Из дневника П. Г. Дивова. СПб., 1897. С. 493.
- ¹⁸ *Писарев С. Н.* Указ. соч. С. 62.
- ¹⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1826. № 105, 31 декабря.
- ²⁰ *Макаров В. К.* Дж. Доу в России // Государственный Эрмитаж. Труды Отдела западноевропейского искусства. Т. 1. Л., 1940. С. 175–185.
- ²¹ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.
- ²² *Ренне Е. П.* Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 2012. С. 160; *Подмазо А. А.* Образы героев Отечественной войны 1812 года. Военная галерея Зимнего дворца. М., 2013. С. 324–325.
- ²³ *Ермолов А. П.* Кавказские письма. С. 352. С целью рекламы своих работ Дж. Доу организовал их тиражированное издание в гравюрах, исполнявшихся его родственниками Т. Райтом и Г. Доу и др. художниками. Гравюры пускались в продажу альбомами и отдельными листами.
- ²⁴ *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 61–62.
- ²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1а. Л. 14.
- ²⁶ Там же. Д. 33. Л. 1–12; *Петрова Е. Н.* Павел Свиныин и его «Русский музей» // Страницы истории Отечественного искусства. XVIII – первая половина XIX века. Вып. 4. СПб. С. 183–199.
- ²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. Л. 3; Журнал изящных искусств. Ч. 2. СПб., 1825. С. 32.
- ²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 4.
- ²⁹ Там же. Д. 39. Л. 9; *Зильберштейн И. С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 60–62; *Миролубова Г. А.* Русская литография. 1810–1890-е гг. М., 2006. С. 178–197.
- ³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1а. Л. 18.
- ³¹ Архив Брюлловых, принадлежащий В. А. Брюллову / редакция и прим. И. А. Кубасова. СПб., 1900. С. 13, 90, 106.
- ³² *Ацаркина Э.* Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество. М., 1963. С. 47.
- ³³ Библиотека для чтения. СПб., 1834. Т. 1.
- ³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–9.
- ³⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 117, 23 мая.
- ³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–2.
- ³⁷ *Григорович В. И.* Указ. соч. С. 161–165.
- ³⁸ Там же. С. 161; И. В. Кикин и его правнук П. А. Кикин // Выдающиеся люди Чувашии. Чебоксары, 2002. С. 23.
- ³⁹ Краткий исторический очерк Императорского Общества поощрения художеств. 1820–1890 / сост. Н. П. Собко. СПб., 1890.